

Переплыв Геллеспонт

Эмма Керкби выступила на фестивале «Декабрьские вечера»

Петр ПОСПЕЛОВ

На традиционном рихтеровском фестивале в Пушкинском музее, не теряющем, на радость нам, своего представительского уровня, побывала гостья, внушавшая утонченным меломанам — любителям аутентичной старины — самые зачарованные ожидания. Последняя порция славы Эммы Керкби пришла в Москву из Петербурга, где артистка с успехом выступала на Втором фестивале современной музыки.

Эмма Керкби — не певица, как все певицы, а филолог, бывшая учительница. Это отчасти знакомо и нам: в последние два десятилетия самые культурные и стилистически грамотные певцы получались из пианистов или музыковедов — не всегда хватало им только яркости голоса. С Эммой Керкби все случилось удачнее: в придачу к своему вкусу и безукоризненной музыкальности она смогла вырастить голос — сверкающее, переливчатое, вычищенное сопрано, которое уже двадцать с лишним лет не устает литься с лоснящихся глянец компакт-дисков лучших мировых фирм, балуя почитателей итальянским ренессансом, всеми подвидами интернационального барокко, Моцартом и, конечно, англичанами, среди которых и печальный современник Шекспира Джон Далуэнд, и принятый в Британии блестящий трибун Гендель.

В этот раз ее программа стягивалась вокруг имени Генри Перселла. Гений британской му-

зыки, проживший недолгую жизнь в конце XVII века, был велик в сакральных, придворных и театральных жанрах, при том что Англия в его времена еще уклонялась от большого бизнеса, всю царившего на континенте, — от оперы. Между тем всю жизнь Перселл сеял хлеб, благодаря которому он был успешен и знаменит, — песни для домашнего употребления, широко издаваемые и популярные. Стоит отметить, что это вовсе не какие-нибудь простые куплетные песенки, а целые баллады или театральные истории, иногда мало чем отличающиеся от образовцов так называемой incidental music — музыкальных номеров, прикладываемых к драматическим спектаклям (вроде знаменитой «Королевы фей», анонимной переделки шекспировского «Сна в летнюю ночь»).

Программа называлась «Театр музыки», только театру был придан самый камерный формат: голос, которому не вменяется в обязанность покрывать большие пространства и ослеплять виртуозными руладами, и лютия. Партнер певицы, просвещенный музыкант и исследователь Энтони Рули (несколько медленных и чопорных танцев он исполнил на лютне соло), объяснил нам, что Перселл был далеко не один, но творил на богатой почве. Рядом с ним в программе звучали и учитель Перселла Джон Блоу, который должен был временно уступить своему студенту орган Вестминстерского аббатства, и Мэтью Локк, с которым Перселл похожим образом менялся долж-

Эмма Керкби и Энтони Рули: театр музыки

ностями при королевском дворе, и Дэниел Перселл, который, вероятно, был бы первым композитором эпохи, если бы не его гениальный брат.

Театр как таковой был обнаружен в самой малой дозе, он

выглядел изысканным и музейным, а потому особенно уместным на таких элитарных слушаниях, как «Декабрьские вечера», — иногда всего несколько жестов, условных и неправдоподобных. Главное же заключалось в

декламации, пропевании слов, в интонации, предельно литературной и вместе с тем дышащей ритмом. Самым впечатляющим номером был «Hero's Lament» Никола Ланье, целая баллада о Геро и Леандре (сюжет, широко

популярный у композиторов — вплоть до поп-музыкантов наших дней). Очень соблазнительно думать, что Эмма Керкби, изображавшая Геро и протягивавшая руки через волны Геллеспонта к своему любовнику, живущему на азиатской стороне пролива, имела в виду нас и тосковала о том, как краткосрочны восторги культур.

Что касается чисто вокальной стороны концерта, то даже фанатам Эммы Керкби, видимо, пришлось отметить, что голос ее звучал чуть (только чуть) блекло — точность звуковедения иногда (только иногда) подводила, а рiапо, которым певица пользовалась в избытке, было не всегда окрашено. По фойе ходил слух, что певица слегка простужена. Впечатление оставили не столько вокальные удовольствия, сколько стиль в целом, приятный и ценителям барокко, и, возможно, нынешним бардам, вплоть до возвышенных рок-музыкантов (просветленный кельтский стиль у нас до сих пор в почете).

Несколькими днями раньше на «Декабрьских вечерах» играл британский ансамбль «The King's Consort», вместе с которым выступил превосходный контртенор Робин Блейз, спевший две сольные кантаты Баха. Мы напишем о них потом, когда появится поле для сравнения: 17 декабря на фестивале выступит третий британский участник программы — вокальная группа «Henry's Eight», и московские меломаны соберут доселе невиданную коллекцию английских впечатлений.